

Василий Александрович Потто как мемуарист польской компании 1863 года

Василий Александрович Потто – генерал-лейтенант русской императорской армии, военный историк, писатель, кавказовед. Его имя в первую очередь связано с литературно-историческими сочинениями. В.А. Потто оставил после себя многочисленные труды – это и монографии, и отдельные статьи – по истории русской армии, казачества, по истории Кавказа.

Новороссийский драгунский полк, в котором служил В.А. Потто, участвовал в подавление Польского мятежа 1863 года. За что Василий Александрович был отмечен боевыми наградами: орденами св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и св. Станислава 2-й степени с мечами. Воспоминания об этих событиях были отражены в статьях «Походные записки о кампании 1863 г. против польских мятежников» в журнале Военный сборник.

Василий Александрович не ставил конкретной цели исследования причин и вопросов внутренней политики, а освящал восстание с военной точки зрения. В «Походных записках» весьма детально представлено описание военных действий. Тем не менее, не касаясь этого предмета, в статье пойдёт речь об общих наблюдениях Василия Александровича.

По замечанию В.А. Потто, военные действия 1863 года были настолько раздроблены и многочисленны, что «систематическое изложение хода вооруженного мятежа, даже на том пространстве, где судьба поставила нас очевидцами и участниками совершившихся событий» задача затруднительная [1]. Записки В.А. Потто живо и характерно описывают военные действия, происходившие в Радомском военном отделе. Так как сами действия 1863 года не представляли каких-либо крупных сражений, поэтому автору приходится рассказывать о действиях отдельных отрядов повстанцев. Общей организации восстания не было. Отдельные группы собирались в различных местах, где оказывались благоприятные условия. Устройство и успехи каждой банды зависело от личных качеств руководителя.

Василий Александрович начинает свои записки с того момента когда Новороссийский драгунский полк получил приказание выступить в царство Польское, где обнаружилось беспорядки. С конца 1862 года по всему Царству Польскому собирались банды, в том числе и в Радомском отделе. Состояние края было весьма тревожным и опасным. «Подготавливавшейся революции предшествовали прокламации, ложные слухи, уличные беспорядки, религиозные манифестации, и процессии с костельными знамёнами и пением возмутительных гимнов, – писал В.А. Потто, – попадались эскадронам на каждом переходе» [2].

Первое впечатление В.А. Потто получил в городе Янов, который запомнился первой уличной демонстрацией, но не последней. «Жизнь страны, – отмечал он, – как будто сосредоточилась и вылилась вся в одну нескончаемую уличную демонстрацию, против которой бессильны были все политические комбинации» [3].

Особые затруднения для русских отрядов представляло отсутствие каких-либо точных сведений. В то время как, по замечанию автора «Походных записок...», у повстанцев «тайная революционная полиция, которая уживается рука об руку с полицией явной, официальной» [4]. Как отмечал В.А. Потто, «помещики, арендаторы, лесничие обязаны были содержать тайные национальные почты» [5]. Для удобства сообщения «во всех городах были рассеяны агенты революционного правительства, на обязанности которых лежала рассылка депеш о малейшем передвижении русского войска, причём должность курьеров принимали на себя женщины, часто принадлежавшие к хорошему кругу. Даже почтальоны, и те подавали на трубах условные сигналы, обозначающие, как далеко видели русское войско, откуда и куда оно идёт и т.п.» [6].

Вооружённое восстание, вспыхнувшее ночь с 11-го на 12-е января прокатилось по всей территории Царства Польского. В городе Стопнице, где квартировался Новороссийский полк эта ночь прошла довольно спокойно. Все слухи о столкновении толп людей с войсками не воспринимали серьёзно, «полагая, что это просто новая демонстрация, подобная тем, которая не раз уже разыгрывалась в той местности в течение прошлого года» [7]. Войска не были готовы даже к мысли о возможности нападения на них.

Последовавшие меры со стороны русской администрации не были успешны. Некоторые военачальники, видя, что волнения кругом усиливаются, но, не будучи в состоянии для решительных действий предпочитали ограничиваться лишь поддержанием порядка в городе. Пограничная стража подвергалась нападениям, в результате чего некоторые посты были полностью истреблены. Как отмечал В.А. Потто, «общее мнение обвиняло распоряжение, в силу которых пограничная стража осталась на кордонной линии в то время, когда войска, отодвинутые от границы, стягивались в самостоятельные отряды» [8]. Не смотря на то, что русским войскам удавалось всё-таки одерживать решительные успехи, восстание разгоралось вновь, как только туда вливались новые силы. По мнению, В.А. Потто если вооружённое восстание и не было подвалено быстро, то причиной тому послужили следующие обстоятельства: «частные недостатки дислокации войск; недостаточность прав военных начальников относительно принятия суровых мер, необходимых по самому положению края» [9]. Войскам было приказано сосредоточиться в самостоятельные отряды из всех родов войск, заняв важные тракты, в то время как огромные лесные пространства, остававшиеся в стороне, были не заняты, и как следствие плохо наблюдаемы. «Во всех городах, признавали принимать самые строгие, доходившие до излишества, меры предосторожности: окружали себя аванпостными цепями, караулами, так что половина войск была занята

собственных охранением, – иронизировал В.А. Потто, – а не преследованием мятежников» [10]. Зачастую действия русских отрядов производились вследствие полученных слухов. «При той быстроте, с которой передавались в крае всякого рода известия, трудно было отличить иногда истину от вымысла; но важно уже было само заявление факта» [11]. Диверсии, чинимые со стороны администрации края, препятствовали всяким принимаемым мерам. «Гражданские власти (т.е. чиновники-поляки) открыто стояли на стороне мятежников и, умышленно скрывая злодейства, совершаемые бандами» [12]. Чиновники, начиная от губернатора и советников губернского правлений, платили 10% из своего содержания революционному правительству. Дерзости мятежникам придавали слухи об иностранной помощи вооруженному восстанию, которые они сами и распространяли. «До какой степени было настроено воображение жителей на иноземную помощь, – вспоминал Василий Александрович, – может служить доказательством следующее курьёзное происшествие: раз, в одном довольно большом местечке, на границе Радомской и Люблинской губерний, распространился слух, что в последнюю из них вступило австрийское войско и движется от Устилуга к Люблину» [13]. Подобное заявление нужно было проверить. К Устилугу были высланы «кавалерийские резервы, и так как в числе их были драгуны, носившие каски (действующие эскадроны носили кэпи), то жители отвыкшие от вида этого головного убора, приняли их за австрийцев» [14]. После чего новость разнеслась по всему царству Польскому.

Что касалось в целом местного населения, то отношения его к восстанию и к русским войскам было неоднозначным. Со слов Василия Александровича, они «сколько я мог заметить, вообще веселого нрава и гораздо более привержены к своим национальным песням и танцам, чем к политическим переворотам» [15]. Зачастую крестьяне встречали и провожали войска криками «виват». «Но нет сомнения, что этими же криками, – подмечал В.А. Потто, – народ провожал и повстанцев, проходивших незадолго перед нами» [16]. В основном крестьяне предпочитали не принимать никакого участия в происходящем. Тем не менее, одни делились сведениями о местоположении мятежников, другие под страхом смерти или увлечённые революционной идеей вступали в банды. Те же, кто был заподозрен, в сотрудничестве с русскими подвергался жестокому наказанию, что, несомненно, вело к тому, что крестьяне отшатнулись и перестали сообщать даже какие-либо сведения. Со слов В.А. Потто, любая услуга, оказанная русскому правительству, влекла за собой наказание как значительным денежным штрафом, публичным бесчестьем, лишением политических прав, изгнанием из края так и смертью. Причем бывали примеры, когда в назидание всем остальным сжигали целые деревни. «Чем безнадежнее становился мятеж, тем чудовищнее делался террор, и над городами и сёлами, над помещиками и крестьянами, над всем, что так или иначе касалось рокового польского дела, висел Дамоклов меч и грозил ослепительным смертью или разорением» [17]. Даже русские офицеры с

фамилиями похожие на польские, получали письменные приглашения «оставить московские ряды и поступить в службу национальной армии, под угрозой, в противном случае лишиться гражданских и политических прав в тот день, когда вся Польша объявлена будет свободною и независимую страной!...» [18].

Так как процесс подавления мятежа шёл медленно были организованы меры, после которых характер действий стал более решительный. Начальникам военных отделов были присвоены права генерал-губернаторов, с подчинением им всей местной гражданской администрации с правом контроля по всем делам, в том числе и духовных. Вследствие чего, военная власть получила возможность преследовать и карать любое политическое преступление. Далее последовало отстранение многих чиновников со службы, которые прямо или косвенно вредили делу. «Мало того: все католическое духовенство, помещики, шляхта, даже целые города и местечки обложены были большою контрибуцию, сообразно с той, которую они платили мятежникам» [19]. Также были организованы работы в лесах по устройству широких дорог и просек. Так как именно в лесах, куда не могла добраться ни артиллерия, ни кавалерия, мятежники весьма ловко находили убежище. Были учреждены сельские караулы, которые осматривали всех проезжающих, наблюдали за безопасностью окрестных дорог, а в случае нападения обороняли население, извещали ближайшие войска. К началу мая 1864 года восстание было подавлено. И только «кое-где войска попадали на след разбойничьих шаек, ловили отдельных бродяг, голодных и оборванных, но правильно-организованных банд не встречали» [20].

Таким образом, действия по подавлению мятежа были направлены на разыскании, преследования и уничтожения отдельных банд. По мнению, Василия Александровича, несмотря на то что, силы повстанцев не были столь значительными, причина, по которой восстание не было подавлено в кратчайшие сроки, несостоятельность принимаемых на начальном этапе мер. Главенствующее мнение между начальствующими лицами о необходимости держать войска сосредоточенными в большие отряды не давало положительных результатов, поскольку позволяло формировать новые отряды. Решительные административные меры ослабили и революционную деятельность в крае содействовали подавлению мятежа.

Примечания

1. Потто В.А. Походные записки о капании 1863 года против польских мятежников // Военный сборник. 1867. №8. – С. 289.
2. Потто В.А. История Новороссийского драгунского полка 1803-1865. // <http://www.runivers.ru/lib/book7846/453505/> (дата обращения: 26.07.2015).
3. Потто В.А. Походные записки... // Военный сборник. 1867. №8.– С. 290.
4. Потто В.А. Походные записки... // Военный сборник. 1867. №9. – С. 177.
5. Потто В.А. Походные записки... // Военный сборник. 1869. №7. – С.162
6. Там же. – С. 185.
7. Потто В.А. Походные записки... // Военный сборник. 1867. №8.– С. 301.
8. Потто В.А. Походные записки... // Военный сборник. 1867. №10.– С. 370.
9. Потто В.А. Походные записки... // Военный сборник. 1868. №3.– С. 107.
10. Там же.
11. Потто В.А. Походные записки... // Военный сборник. 1868. №11.– С. 157.
12. Потто В.А. Походные записки... // Военный сборник. 1868. №12.– С. 423.
13. Потто В.А. Походные записки... // Военный сборник. 1870. №1.– С. 180.
14. Там же.
15. Потто В.А. Походные записки... // Военный сборник. 1867. №11.– С. 146.
16. Там же.
17. Потто В.А. Походные записки... // Военный сборник. 1868. №12.– С. 421.
18. Потто В.А. Походные записки... // Военный сборник. 1868. №3.– С. 131.
19. Потто В.А. Походные записки... // Военный сборник. 1870. №3.– С. 188.
20. Там же. – С.218.